

Нарративная структура романа "Хромая судьба" А.Н. и Б.Н. Стругацких
Неронова Ирина Владиславовна
студентка

Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия
email: irina_neronova84@mail.ru

Несколько последних десятилетий мнение, что фантастика является полноправной «участницей» большой литературы, уже не вызывает возражений. Увеличивается количество исследований, посвященных творчеству самых, пожалуй, известных советских фантастов – братьев Стругацких. С нашей точки зрения, особого внимания заслуживает роман «Хромая судьба».

Роман о «советском писателе Феликсе Сорокине и об унылых его приключениях в мире реалий развитого соцреализма» [Стругацкий: 713] был закончен в 1982 г., и тогда встал вопрос о содержимом Синеи Папки, любимого детища главного героя. Первоначальная вставка глав из романа «Град обреченный» себя не оправдала: смысловой акцент смещался с рассмотрения судьбы писателя в сторону обсуждения различных общественных систем. Поэтому решено было в качестве Синеи Папки использовать роман «Гадкие лебеди», написанный в 1967 г. и запрещенный властями. «Это тоже была история о писателе в тоталитарной стране. Эта история также была в меру фантастична и в то же время совершенно реалистична. И речь в ней шла, по сути, о тех же вопросах и проблемах, которые мучили Феликса Сорокина. Она была в точности такой, какой и должен был написать ее человек и писатель по имени Феликс Сорокин», [Стругацкий, 720] – объясняет Б.Н. Стругацкий выбор писателей. На наш взгляд, не только «удвоение» темы писателя и его судьбы в тоталитарном обществе стало причиной выбора «Гадких лебедей» на роль «вставного» романа. Следствием совмещения прежде самостоятельных произведений стало возникновение сложной «двойнической» и взаимоотражающей конструкции «роман в романе» и, как следствие, усложнение повествовательной конструкции текста.

Возможным путем решения вопроса о причинах и целесообразности объединения автономных текстов может стать попытка применения к роману «Хромая судьба» методов нарратологического анализа, предложенных В. Шмидом [Шмид].

Анализ совокупной нарративной структуры рассматриваемых текстов Стругацких показывает, что в объединенном романе наблюдаются системные соответствия коммуникативных уровней и точек зрения «внутреннего» и «внешнего» романов. В обеих частях присутствуют нарраторы трех уровней: имплицитный первичный нарратор, вторичный нарратор (главный герой) и третичные нарраторы цитируемых произведений главных героев. Таким образом, нарраторы третьего уровня являются средством манифестации вторичного нарратора.

Подобные соответствия побуждают видеть в двух в разное время написанных произведениях варианты одного авторски мотивированного инварианта «романа о писателе». Резонным становится вопрос: почему «Хромая судьба» стала «вмещающим» произведением, а «Гадкие лебеди» – «инкорпорируемым» текстом, а не наоборот, если оба произведения представляют собой два варианта решения одной проблемы? Тот факт, что во «внешнем» романе содержится указание на «вставное» произведение, можно считать формальным, так как обе части содержат множество цитируемых и упоминаемых произведений главных героев. Ответ на предложенный вопрос можно получить с помощью анализа нарративной организации романа.

Если во «внешнем» романе повествование ведется вторичным нарратором, а первичный проявляет себя только в последнем эпизоде, то во «внутренней» части соотношение первичного и вторичного нарраторов более сложно. Повествование постоянно передается от первичного нарратора, повествующего от третьего лица, к вторичному, роль которого выполняет главный герой, через промежуточную форму несобственно–прямой речи.

Подобная форма повествования позволяет на нарративном уровне укрепить связь между частями романа: первичный недиететический нарратор «внутреннего» романа, повествующий от третьего лица, ассоциируется читателем с Сорокиным, героем «внешнего» романа, которому и приписывается авторство. Банев, герой «внутреннего» романа и его вторичный нарратор, в общей нарративной схеме объединенного произведения становится третичным нарратором, служащим характеристике и раскрытию вторичного нарратора Сорокина.

Польский литературовед В. Кайтох отмечал, что главные герои «романов» имеют соответствия в судьбе и мировоззрении. Виктор Банев, герой «внутреннего» романа, является alter ego Феликса Сорокина, героя романа «внешнего», представляя собой нереализованного Сорокина, того, кем он мог бы быть, но не стал [Кайтох, 637–638]. Постепенный, часто не фиксируемый переход от речи первичного нарратора к речи нарратора вторичного подчеркивает глубинную связь двух героев.

Благодаря позиции «внешнего» романа реальность «Хромой судьбы» приобретает статус реальности более высокого уровня, чем реальность «Гадких лебедей». В связи с этим отметим, что действие «Хромой судьбы» происходит в реальности, наиболее приближенной к исторической действительности, тогда как художественный мир «Гадких лебедей» изначально несет в себе установку на фикциональность и фантастичность. Тем самым, моделирующая реальность «романа о писателе» оказывается воссоздающей «зеркальную» перспективу отражений «матрешечного» типа как на уровне самоактуализации художественных миров текста, так и в плоскости их повествовательной презентации. Позиция «Хромой судьбы» как «внешнего» романа позволяет сделать акцент на «булгаковской» линии романа, что немаловажно, так как в позднем творчестве братьев Стругацких булгаковская тема приобретает большое значение.

Таким образом, два «романа о писателе» соединились отнюдь не «механически», на основе лишь общности тематики, композиции и «удвоения» повествовательных перспектив, но образовали смысловое единство интегрального характера.

Литература

Кайтох В. Братья Стругацкие. Очерк творчества // Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Собрание сочинений. В 11 т. Донецк, 2003. Т.12, дополнительный. С. 409 – 670

Стругацкий Б.Н. Комментарии к пройденному // Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Собрание сочинений. В 11 т. Донецк, 2004. Т.8. С. 713 – 721

Шмид В. Нарратология. М., 2003. – 312 с.